

**ПИСЬМА СОЛДАТ РОССИЙСКОГО ЗАПАДНОГО ФРОНТА КАК
ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МОРАЛЬНО-БОЕВОГО
СОСТОЯНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 г.**

Прошло более 100 лет после окончания Первой мировой войны, обернувшейся для белорусского народа огромными человеческими, моральными и материальными жертвами. В отечественной научной и научно-популярной литературе за последние годы освещены вопросы подготовки и общий ход военных действий, эвакуации населения, предприятий и учреждений, учет движения беженцев, оценка положения населения на оккупированной противником территории. Однако ещё недостаточно уделено внимания изучению морально-боевого духа, настроения солдат русской армии в различные периоды войны. Объясняется это тем, что основной комплекс документов периода Первой мировой войны хранится в зарубежных архивах, и, в частности, в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации в г. Москва.

Целью данной статьи является изучение главного источника, характеризующего боевой дух солдат, их настроение в разные периоды войны, их письма родным и близким, в редакции газет, в верховные и местные органы власти.

Заметим, что уже по объявлении Германией войны России, указом императора Николая II от 20 июля 1914 г. была введена военная цензура с целью не допустить оглашения и распространения сведений, которые могли бы повредить военным интересам государства. В соответствии с «Временным положением о военной цензуре» её рассмотрению подлежала и переписка солдат действующей армии. В результате работы военных цензоров был создан комплекс документов – сводок наблюдений за корреспонденцией по фронтам и армиям, в которых дана характеристика «духа и настроений солдат». Кроме того, наряду с цитированием выдержек из содержания писем, к ним прилагаются оригиналы задержанных писем солдат, адресованных родным и близким. Такой пласт документов имеется в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в г. Москва (ф. 2003 – штаб Верховного главнокомандующего и ф. 2048 – штаб Северо-Западного (Западного) фронта).

Следует сказать, что по причине военно-технической отсталости и неподготовленности русской армии к войне, зависимости Верховного командования от командования союзников, а, следовательно, поспешности,

в подготовке и проведении военных операций, войска с первых дней военных действий терпели одно поражение за другим с большими потерями в личном составе. Весной же 1915 г., когда русские армии Северо-Западного фронта, находившиеся на территории Царства Польского, очутились под угрозой окружения и разгрома, чтобы избежать катастрофы, они совершили так называемое «великое отступление» вглубь своей страны. В частности, войска Северо-Западного фронта отошли на белорусские земли, где в конце сентября 1915 г. Западный фронт стабилизировался по линии Двинск, Поставы, Сморгонь, Барановичи, Пинск. Несмотря на это, до конца 1915 г., как свидетельствуют сводки военных цензоров о настроении войск, в войсках не замечалось упадка морального духа солдат. Отступление командованием объяснялось стратегической необходимостью.

Стабилизация фронта, появившаяся возможность для отдыха, поступления в части и соединения новых хорошо экипированных пополнений, активный подвоз снарядов и оружия вызвали в войсках, по словам тех же сводок, «бодрое настроение», «веру в победу над врагом» [1, л. 19,24].

Удручающее влияние на моральное состояние солдат оказывало бедственное положение беженцев, производившее на войска «огромное и тягостное впечатление». Кроме того, в незначительном количестве писем, «не пропущенных военной цензурой или пропущенных с помарками», отмечались «крайнее утомление войной и неуверенность», а у солдат старших возрастов – жалобы на недостаток тёплых вещей и сапог, фуража для лошадей [1, л. 19,24]. В целом, военная цензура по Западному фронту в декабре 1915 г. на основе просмотренных писем отмечала в 30,25 % случаев – бодрое настроение солдат, в 2,15 % – угнетённое и в 67,6 % – уравновешенное [1, л. 40].

Предреволюционный 1916 г. был начат активными действиями германцев против французов в районе Вердена. Командование французских войск обратилось к Ставке Верховного главнокомандования русской армии с требованием перейти в наступление и оттянуть часть германских войск на себя. В угоду союзнику верховное главнокомандование, не считаясь с наступавшей весенней распутицей, не подготовившись в полной мере, в спешном порядке развернуло наступление войсками 2-й армии Западного фронта в районе оз. Нарочь на хорошо укрепленные позиции неприятеля с целью их прорвать. В результате двухнедельных боёв, несмотря на яростные атаки, русские войска не смогли достигнуть поставленной цели и понесли огромные потери в личном составе – 1 018 офицеров и 77 427 солдат убитыми и ранеными, большие материальные потери.

Огромной трагедией для русских войск в результате Нарочской операции было падение их морально-боевого духа. Солдаты, испытавшие тяготы и лишения наступательных действий, видевшие бессмысленную гибель множества людей, бестолковость распоряжений и приказов высшего командования, скрыто выражали свое недовольство. Особенно это проявлялось в их письмах, на что неоднократно указывала в своих сводках военная цензура. В частности, в сводке за март они отмечали: «О боях 5–12 марта в письмах говорится лишь

вскользь и почти без подробностей. Угнетённые авторы писем, касающихся этих боёв, жалуются на большое количество пулемётов и артиллерии у противника и реже на значительность наших потерь» [1, л. 97]. В сводке за апрель 1915 г. было отмечено, что «ещё продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав попадались выражения неудовольствия, якобы плохим руководством здесь боем, а также намёки на какое-то, будто бы имевшее здесь место, предательство» [1, л. 118].

Кроме того, судя по сообщениям военной цензуры, в письмах солдат Западного фронта нашли отражение недостатки снабжения обмундированием, сапогами (замена их лаптями), в отдельных сообщениях невыдача сахара, хлеба, урезка порции мяса, а затем замена мяса рыбой. Последнее обстоятельство, как отмечалось в сводке за май 1916 г., «вызвало многочисленные жалобы из разных частей фронта» [1, л. 135]. Причём, ухудшение ситуации со снабжением войск фронта с каждым днём прогрессировало. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах России из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живём ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение войск», – заявил на совещании в Ставке в Могилёве 17–18 декабря 1916 г. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт [2, с. 19–20].

Попытка восполнить недостающее продовольствие за счёт реквизиций у местного населения также ничего не дала. Местное население, особенно в городах, голодало не меньше, чем солдаты на фронте. К началу 1917 г. у крестьян прифронтовых белорусских губерний излишков хлеба не осталось и реквизировать было нечего. По словам губернатора Минской губернии, пытавшегося защитить крестьян от «реквизиции части запаса хлеба», сельское население могло остаться «необеспеченным хлебом и семенами, как в текущем году, так и в последующие годы» [3, л. 3].

Не менее сложным в войсках фронта в конце 1916 г. – начале 1917 г. было положение с фуражом, недостаток которого стал проявляться и нарастать с начала 1916 г. [1, л. 57]. В середине ноября 1916 г. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт приказал войскам взамен недостающего зернового фуража для лошадей увеличить дачу сена. Однако вскоре, по словам доклада главного интенданта, «окончательно выяснилась полная невозможность подать на фронт потребное количество сена или соломы – всего в сутки 1100 вагонов», вследствие затруднений в заготовке и доставке его на фронт из-за неблагоприятных условий железнодорожного транспорта» [3, л. 6].

Одновременно с продолжением войны, ухудшением снабжения наблюдалось падение морально-боевого настроения солдат. Так, если за декабрь 1915 г. военными цензорами было отмечено 2,15 % писем с интонацией «угнетение», то за январь 1916 г. – 4 %, а за март – 4,1 % [2, с. 30]. Таким об-

разом, этот процесс продолжался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, испытывали голод и холод, достигшие к 1917 г. критической черты. Всему этому сопутствовал рост антивоенных настроений, рост недовольства существующей властью в стране. В итоге армия, бывший оплот самодержавия, стала мощной оппозицией ему и в февральские дни 1916 г. перешла на сторону восставшего народа.

В результате победы Февральской революции было свергнуто царское самодержавие. Власть перешла к буржуазному Временному правительству. В то же время образовалась революционно-демократическая власть в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В стране сложилось двоевластие.

Верховное командование и командование фронтов русской армии делали попытки не допустить распространения революции на фронт. Первое время скрывали информацию о её победе в столицах – Петрограде и Москве. В этих условиях, чтобы разобраться в происходивших событиях в стране, солдаты всех российских фронтов Первой мировой войны обращались за разъяснениями в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В результате этого накопилось большое количество писем, поступавших в канцелярию Совета, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в г. Москва.

В письмах первых дней после победы революции солдаты выражали свой восторг победившей режимом, предоставившим им политические права и демократическую свободу, благодарили депутатов Петроградского Совета за проделанную ими работу, сообщали о положении дел на фронте, о своих подозрениях к командному составу, который, по их мнению, что-то от них скрывает, не разъясняет произошедшего, «требуется повиниться ему по прежнему». Солдаты просили депутатов Совета о разъяснении событий, что им «надо делать для блага Родины», выражали свою готовность «по приказанию депутатов» с «радостью сделать что-нибудь полезное... дорогой Родине» [4, л. 2–4].

Первое время солдаты выражали доверие к Временному правительству, прежде всего, в надежде на то, что оно решит вопрос о прекращении войны. Однако, Временное правительство ещё в большей мере, чем руководство Российской императорской армии, ориентировалось на военные договоры, данные союзникам по Антанте. Оно давало заверения на целесообразности продолжения войны и, в соответствии с военной конвенцией, приступило к подготовке очередного наступления на фронте.

Особенно много писем поступало в Петросовет с фронтов русской армии по вопросу подготовки командованием летнего наступления. В частности, с Западного фронта (дислоцировался на территории белорусских земель) уже в мае поступили в Петроградский Совет письма от солдат, главным лейтмотивом которых был протест против подготовки к новому наступлению. Солдаты терпели лишения, наблюдалась всеобщая усталость после двух-трёхлетнего пребывания в окопах, нехватка продовольственного

обеспечения (вместо крупы – чечевица, вместо мяса – «протухшая», «гнилая» вобла, урезанная порция хлеба и т.п.). Упоминалось также об изношенных обуви и обмундировании и т.д. Начавшиеся болезни и эпидемии среди солдат (упоминается о распространении цинги и желудочно-кишечных расстройствах), отмена отпусков на сельскохозяйственные работы в связи с предстоящими наступательными действиями – все это не способствовало поднятию морально-боевого духа. Во многих письмах были жалобы солдат на бедственное, «гибельное» положение их многодетных семей, оставшихся без мужских рабочих рук, страдающих от дороговизны на предметы первой необходимости, от спекулянтов и притеснения местной администрацией [5, л. 113; 6, л. 40].

В большинстве писем солдаты выражали недовольство, по их мнению, несправедливым распределением тягот войны между фронтом и тыловыми, настаивавшими на продолжение войны до победного конца. Кроме того, в это время прозвучали первые нотки недовольства деятельностью созданных в войсках солдатско-офицерских комитетов, высшего звена – армейских, по мнению солдат, выступавших «за одно с офицерами» в требовании поддержания «старорежимной дисциплины» [9, л. 44; 7, л. 149; 13, л. 86].

Особая обеспокоенность в письмах солдат была выражена «ещё неокрепшей свободой новой России». А чтобы укрепить её, они считали, «нужна мирная жизнь, а не стремление к завоеваниям». Образцом стремления солдат к миру явились имевшие место в связи с празднованием Святой Пасхи и 1 мая (по ст. ст. 18 апреля) братания воинов противоборствующих сторон. Об этом солдаты Западного фронта сообщали в своих письмах депутатам Петроградского Совета, родственникам и близким им людям [5, л. 58; 71; 10, л. 85, 104].

В ряде случаев респонденты обращали внимание депутатов Петроградского совета на неразвитость и неграмотность солдатских масс, неспособных разобраться в происходивших событиях, просили направить депутатов для разъяснения, а также прислать для руководства «документы по устройству жизни на новых началах» [9, л. 69, 102; 4, л. 172].

В русле такого содержания были и письма, просмотренные военными цензорами Минского военного округа, 2-й, 3-й и 10-й армий Западного фронта, о чём свидетельствуют их сводки за апрель 1917 года [10, л. 54–56, 63–64].

В июне 1917 г. в связи с подготовкой наступления русских войск, в частях и подразделениях армий Западного фронта активизировались занятия по боевой и тактической подготовке, окопные работы и строительство плацдармов. Кроме того, велась усиленная разъяснительная и агитационно-пропагандистская работа среди личного состава войск о необходимости наступательных действий. С этой целью войска Западного фронта посетили делегации Петроградского Совета, Черноморского флота, представители французских социалистов и английских лейбористов. В части и соединения

фронта потоком шла буржуазно-демократическая печать с призывами к наступательным действиям [11, с. 127].

Однако этот натиск идейно-политической и пропагандистской обработки солдатских масс был встречен неоднозначно в частях и соединениях Западного фронта. Об этом свидетельствует поток писем в Исполком Петроградского Совета, в которых заявлялось о нежелании солдат принимать участие в наступательных действиях, мотивируя это неготовностью войск к наступлению отсутствием необходимых для этого огнеприпасов, продовольствия и фуража. В таких условиях солдаты считали наступление «большой ошибкой». Призывавших и выступавших за наступление тыловиков солдаты требовали направить на фронт, возмущались наводнявшей фронт буржуазной печатью и недоумевали о не доходившей до них демократической прессе [5, л. 113;262; 4, л. 50, 57].

В ряде писем солдаты выражали обеспокоенность положением в тылу из-за сохранившихся «старых порядков», призывали депутатов поехать оказать помощь на местах в организации власти на новых началах [9, л.143].

Приближение намеченного срока наступления, возраставшая активность командования в проведении подготовительных мероприятий с личным составом встретили массовое сопротивление солдат, вылившееся в отказ полков и даже дивизией исполнить боевой приказ о занятии исходного положения для перехода в наступление. Ещё большее обострение сложившейся ситуации было вызвано провалом июньского наступления русских войск на Юго-Западном фронте, расстрелом Временным правительством демонстрации рабочих и солдат в Петрограде, а затем последовавшим введением Временным правительством смертной казни на фронте и ожесточением дисциплинарных мер в войсках.

В этих условиях солдаты стремились найти защиту своих прав и интересов. С тревогой обращались с сообщениями о происходивших событиях в частях и соединениях Западного фронта в Петроградский Совет, просили «не оставлять падающих духом солдат, принять соответствующие меры», «приехать на фронт, увидеть и разобраться» и т. д. и т. п. [4, л. 139 – 140, 158 – 159; 12, л. 140].

Во многих письмах солдаты упрекали депутатов Петроградского Совета в «бездеятельности», угрожали им «народным судом», если они «не употребят мер для заключения мира», требовали «кончать войну пока не поздно» [15, л.82; 16, л. 42–44].

В одном из фондов РГВИА (ф. 366. Оп.2) хранятся письма, адресованные министру-председателю Временного правительства и Военному министру А. Ф. Керенскому. В них солдаты обращали его внимание на внутреннее положение в стране, на «забитое, безграмотное крестьянство», просили «командировать из армии бывших учителей» для просвещения и организации крестьян [7, л. 149]. С повышением активности командования по подготовке войск к наступлению, в адрес Керенского поступили анонимные письма из частей с предупреждениями и угрозами «оставить фронт»,

с требованиями «во что бы то ни стало закончить войну» [4, л. 11–19; 8, л. 467].

Целый ряд писем в Петроградский Совет поступило от очевидцев, участников наступления с информацией о сражениях. Так, солдаты 43-го Сибирского стрелкового полка 11-й Сибирской дивизии 38-го армейского корпуса сообщали: «9 июля наша дивизия наступала под мост Крево. В атаку шли очень хорошо, но мы были встречены первой немецкой линией огнем пулеметов, и наши цепи были сметены. Нам должна была подойти поддержка. Поддержки не было приблизительно час. Задача нашим полком не была выполнена. Командовал в бою дивизией какой-то генерал... солдаты его не видели.» (4, л.208).

С просьбой к депутатам Петроградского Совета «объяснить на заседании относительно наступления, которое было 9 июля» обратились солдаты 274-го пехотного Изюмского полка 69-й пехотной дивизии 38-го корпуса. Солдатам 274-го Изюмского полка было приказано перейти в наступление: «Тов. Изюмцы, зная, что надо исполнить долг перед Родиной и (выступить) за свободную Россию, не желая изменить приказу тов. Керенского, с большим чувством и глубокой верой перешли в наступление в 6 час. 15 минут утра 9 июля, заняли первую линию немецких окопов, но по причине (не дали поддержки) вынуждены были уйти из окопов противника. Лично мое мнение, солдата Андреева, наблюдал, что здесь было не наступление, а продажа живых людей на бойню.»(4, л.299).

Особый всплеск солдатского негодования был вызван попыткой Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова установить военную диктатуру в стране и армии. В письмах в Петроградский Совет солдаты требовали применить к нему закон о смертной казни, которую он ввёл для «исстрадавшихся защитников демократии и свободы». Наиболее политически развитые солдаты усматривали в натиске буржуазной пропаганды возвращение к старому режиму, с этой целью, считали они, откладывают срок созыва Учредительного собрания, просили депутатов Петроградского Совета ходатайствовать перед Временным правительством об «очередном кратковременном отпуске солдат в деревню», чтобы «разъяснить ничего непонимающим старикам, кого выбирать в Учредительное собрание» и что «просить их кандидату на Учредительном собрании» [14, л. 224–226, 280].

С наступлением осени, наряду с требованием к депутатам Петроградского Совета обращать внимание на солдатские просьбы, во многих письмах звучало требование «всеми силами работать для скорейшего заключения мира», сообщалось о критическом положении солдат на фронте и их семей в тылу. В продолжение войны в создавшейся ситуации они предвидели «гибель свободы и России», требуя взять власть в свои руки, чтобы спасти завоёванную свободу.

Солдаты напоминали депутатам о том, что они были избраны «из среды солдат» для того, «чтобы стояли за солдатские и общие интересы», а самое главное – видеть [к чему] ведёт продолжение войны», угрожали забастов-

ками на фронте и народным судом; требовали «какой бы ни был поскорей давайте мир». Требовали поскорей прекратить эту бойню во что бы то ни стало», «спасти залитую кровью Россию с её истерзанным народом». Предвидели «катастрофу», которая, по их мнению, «несёт истощение всех материальностей и ничем непреодолимый голод... к тому же силы терпения народа иссякают до изнеможения» [17, л. 39, 97–98, 195–196]. За бездействие депутатам Петроградского Совета в решении вопроса о прекращении войны солдаты угрожали «присоединением к партии большевиков и сделать то, что нужно будет» [18, л. 304].

Морально-политическое настроение солдат армий Западного фронта в дни Октябрьской революции в целом было на руку большевикам. Уставшие от трёхлетней войны, испытавшие связанные с ней все тяготы и лишения, окончательно разочаровавшиеся во Временном правительстве, за восемь месяцев правления не решившим важнейших политических и социальных вопросов, солдаты и часть офицеров с одобрением отнеслись к факту его свержения, с большой радостью встретили весть о провозглашении большевиками декретов о мире и земле. Хотя к устанавливавшейся власти большевиков отношение на фронте не было однозначным.

В частях и соединениях, где было сильно влияние большевиков и их сторонников, на состоявшихся общих собраниях, заседаниях и съездах войсковых комитетов были приняты резолюции в поддержку вооружённого восстания в Петрограде, осуществлены меры по взятию власти на местах и проведению первых революционных преобразований.

Более умеренная часть войск, в которых ещё оставалось заметным влияние эсеров и меньшевиков, высказала удовлетворение по поводу свержения Временного правительства, выразила негодование по факту узурпации власти большевиками, выступила за создание так называемого «однородного социалистического правительства» из представителей всех социалистических партий и национальных групп, без участия буржуазии, во имя недопущения гражданской войны.

В дни Октябрьской революции значительно ухудшилось боевое состояние войск Западного фронта. Одной из причин этого являлось нарушение железнодорожных перевозок и недопоставка на фронт продовольствия, фуража, обозно-вещевого и боевого имущества. Сказывались также общая усталость, нежелание солдат продолжать войну, провозглашение декретов о мире и о земле, вызвавшее среди солдат общее демобилизационное настроение.

Таким образом, выявленные в архивных фондах и изученные письма солдат русской армии, адресованные своим родным и близким, а также в редакции газет, в верховные и местные органы власти поспособствовали наиболее глубокому, полному и близкому к истине исследованию морально-бытового состояния российских войск Западного фронта. Одновременно они показали «изнутри» все трансформации настроений на фронте в зависимости от военных событий, внутриполитической и социально-экономической жизни в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.
2. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году/ М. М. Смольянинов. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 259 с.
3. РГВИА. – Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 519.
5. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554.
6. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп.1. Д. 555.
7. РГВИА. – Ф. 366. Оп. 1. Д. 13.
8. РГВИА. – Ф. 366. Оп. 2. Д. 10.
9. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 520.
10. РГВИА. – ф. 2048. Оп. 1. Д. 905.
11. Смольянинов, М.М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г./М.М. Смольянинов. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 264 с.
12. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 522.
13. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 524.
14. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 530.
15. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 533.
16. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 535.
17. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 536.
18. ГАРФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534.